

поскольку в апреле 1736 г., когда В.Н. Татищев якобы давал ему инструкцию, командир Сибирского драгунского полка полковник И.С. Арсеньев уже строил ту самую Чебаркульскую крепость по поручению того же В.Н. Татищева (23), о чем В.Н. Татищев написал в донесении на имя Анны Иоанновны от 17 апреля 1736 г. (2, 132). В-пятых, поскольку практически все остальные детали, описанные Ф.М. Стариковым, не соответствуют действительности, «Александровская слобода», очевидно, также изначально является плодом какого-то недоразумения. Ошибки терминологического и фактологического характера, которыми изобилует этот фрагмент текста Старикова, свидетельствуют, что документ, на который он опирался, видимо, был составлен на основании каких-то поздних и недостоверных источников.

Будучи небольшим по размеру, но насыщенным датами и обозначенными событиями, цитированный фрагмент из труда Ф.М. Старикова вызвал довольно значительную цепь ошибок, которые уже стали привычными и воспринимаются как подтвержденные факты. До сих пор авторы некоторых работ пишут, что до 1736 г. на месте Челябинской и Миасской крепостей существовали поселения (17, 155). Общим местом сейчас является указание на основание в 1687 г. Бродокалмацкой слободы (9, 115; 13, 90) либо Бродо-Калмацкого острога (18, 19; 32, 39). Вместо Верхне-Миасской Чумлятской слободы, основанной в 1684 г., указываются две слободы – Чумлятская, 1684 г. (либо 1679 г.) и Верхне-Миасская, 1685 г. (9, 115; 13, 90; 32, 39), хотя вряд ли кто-то сможет предоставить убедительные документы, из которых бы следовало, что это два самостоятельных населенных пункта, а не одна и та же Верхняя Миасская Чумлятская слобода. Ю.М. Тарасов отдельно указал эти слободы, опираясь на работы Ф.М. Старикова (32, 39), последующие авторы использовали данные, приведенные Ю.М. Тарасовым. В итоге мы имеем нынешнюю ситуацию. Примерно та же картина, что и с «вольными исетскими казаками» XVII в.

Примечания

1. Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, 1873 г. Оренбург: Издание Оренбургского казачьего войска, 1904.
2. Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997.
3. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в его прежнем состоянии до 1758 года: Историческая монография. Т. 2. Казань, 1897.
4. ГАГШ, Ф. 224, Оп. 1, Д. 193.
5. Дело о самозванце Ф.И. Каменщикове–Слудникове: Сб. документов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992.
6. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь: Б.и., 1900. Вып. 8: К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Издание автора, 1900.
7. Иофа Л.Е. Города Урала. Часть первая: Феодальный период / Отв. ред. С.Г. Струмилин. М.: Географиз, 1951.
8. История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т. 1 / Отв. ред. Н.Ф. Емельянов. Курган: Курганского гос. пед. ин-т, 1995.
9. Курлаев Е.А. Определение маршрута и района работ крупнейшей поисковой экспедиции XVII в. под руководством Т. Селина и Я. Хитрово // Россия и Восток: история и культура. Омск, 1997.
10. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в. М.: «Древлехранилище», 2005.
11. Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Часть I. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936.
12. Материалы по истории Башкирской АССР / Под ред. Н.В. Устюгова. Т. III. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
13. Мөнщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири / Ред. кол. Е.П. Батянова, С.И. Вайнштейн и др. Т. III. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.
15. Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
16. Поздеев В.В. Исетские казаки (к вопросу о времени возникновения термина) // Челябинск неизвестный. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. Вып. 1.
17. Пономаренко Е.В. Города Южного Урала с древности до середины XIX в. Т. 1. Челябинск: Изд-во Челябинского областного комитета статистики, 2005.
18. Пузанов В.Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья. Шадринск: ПО «Исеть», 2001.
19. Пузанов В.Д. Исетское казачество в XVIII в. // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники, 2001.
20. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999.
21. РГАДА, Ф. 192, Д. 5.
22. РГАДА, ф. 199, Д. 481, Т. 1, л. 152 об.
23. РГАДА, Ф. 199, Д. 481, Т. 6, ЛЛ. 248–250.
24. РГАДА, Ф. 248, Оп. 160, Д. 4. кн. 139, Л. 168.
25. РГАДА, Ф. 248, Оп. 160, Д. 6. Кн. 139, Л. 174.
26. РГВИА, Ф. ВУА, Д. 20618.
27. Списки населенных мест Оренбургской губернии // Оренбургский статистический комитет. Оренбург, 1892.
28. Списки населенных мест Российской империи. Т. XXVIII, Оренбургская губерния. Санкт–Петербург, 1871 г.
29. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.
30. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.
31. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1881.
32. Тарасов Ю.В. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М.: Изд-во «Наука», 1983.
33. Храмы Шадринского уезда / Ред–сост. С.Б. Борисов, А.М. Бритвин. Шадринск: ПО «Исеть», 1994.
34. Чернавский Н. Оренбургская впадина в прошлом и настоящем. Вып. 1. Оренбург, 1900.
35. Чернавский Н.М. Материалы к истории Челябинска. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1993.
36. ЧОКМ, КП № 4893.
37. Шишонко В. Пермская летопись, пятый период, часть вторая: с 1695–1701 г. Пермь: Типография Пермской земской управы, 1887.
38. Шишонко В. Пермская летопись, пятый период, часть третья: с 1702–1715 г. Пермь: Типография Пермской земской управы, 1887.

И.В. Балюнов

Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева,
г. Тобольск

ОБ ОДНОМ ИЗ ВИДОВ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ Г. ТОБОЛЬСКА XVII В.

Летом 2000 г. на территории Тобольского кремля под руководством А. А. Адамова были произведены археологические исследования, общая площадь которых составила 198 кв. м. В результате стратиграфических наблюдений удалось выделить слой, который можно датировать концом XVI (не ранее 1587 г. - время основания города) - XVII вв. Самым массовым материалом, собранным из этого слоя, являются многочисленные обломки глиняных сосудов (1, 450).

Статистический анализ находок показал, что горшки следует считать наиболее распространенным видом керамической посуды (составляют более 90% от общего числа собранных фрагментов). Посуда этого вида изготавливалась на гончарном круге, являлась плоскодонной и, как правило, неорнаментированной. На изломе основная масса черепков либо темно-серая, либо двух-, трехслойная (центральную часть излома занимает слой темно-серого цвета, прослойки светло-коричневых тонов прилегают к поверхности). В первом случае это свидетельствует о восстановительном обжиге с длительной выдержкой, во втором - о восстановительном обжиге, при котором сосуд быстро переместили из огня на воздух, в результате чего его поверхность начала окисляться (5, 81). На дне сосудов зафиксировано так же использование песчаной посыпки (не во всех случаях). Толщина стенок сосудов может составлять от 0,5 до 0,8 см.

Судя по археологически целым формам, этот вид образуют приземистые сосуды (диаметр в самой широкой части всегда превышает высоту). Устье тобольских горшков заметно шире дна, наибольшая ширина приходится на область плечиков. К сожалению, малое количество сосудов полного профиля не позволяет установить точно закономерности их пропорций. По этой причине наиболее информативными являются верхние части горшков, для которых характерно большое многообразие форм венчика:

- 1) округлый,
- 2) прямой,
- 3) кососрезанный,
- 4) округлый с валиком по внешней кромке,
- 5) прямой с валиком по внешней кромке,
- 6) кососрезанный с валиком по внешней кромке,
- 7) приотренный с валиком по внешней кромке,
- 8) прямой или овальный с внешним напывом и валиком по внутренней кромке.

Взяв за основной признак профили верхних частей сосудов (область шейки и плечика), можно подразделить тобольские горшки на четыре типа (рис.1).

Тип I со слабовыраженным переходом шейки в плечико, подразделяется на два варианта:

Вариант IA (25 экз.) с удлиненной или средней шейкой, шейка округлая, наклоненная во внутрь, переход к плечику не выражен, плечико покатое. Форма венчика может быть представлена самыми разными вариантами.

Вариант IB (25 экз.) шейка короткая или практически отсутствует, венчик почти сразу же переходит в округлое плечико. Венчик округлый либо округлый с валиком по внешней кромке.

Тип II с почти прямой (вертикальной или несколько наклоненной во внутрь) шейкой, переходящей в округлое плечико, подразделяется на два варианта:

Вариант IIA (78 экз.) с короткой или средней шейкой. Форма венчика: - округлая, прямая, округлая с валиком по внешней кромке. Этот подтип имеет два варианта: с узким плечиком и широким плечиком.

Вариант IIB (27 экз.) с удлиненной шейкой. Форма венчика: приотренная с валиком по внешней кромке, кососрезанная с валиком по внешней кромке, очень редко прямая или округлая с валиком по внешней кромке. Горшки этого варианта так же очень часто отличаются от варианта IIA лучшим качеством изготовления и представляют собой тонкостенные сосуды с хорошо профилированной шейкой.

Следует отметить, что к типу II принадлежат так же немногочисленные горшки, несущие на своих стенках следы небрежного лощения. Иногда такое лощение, дополненное канелюрами, образует сетчатый или линейный орнамент. Подобная орнаментация характерна так же для керамических комплексов Москвы (14, 29), Мангазеи

(13, 271), Томска (17,69-75), Илимска (7, 125) и др.

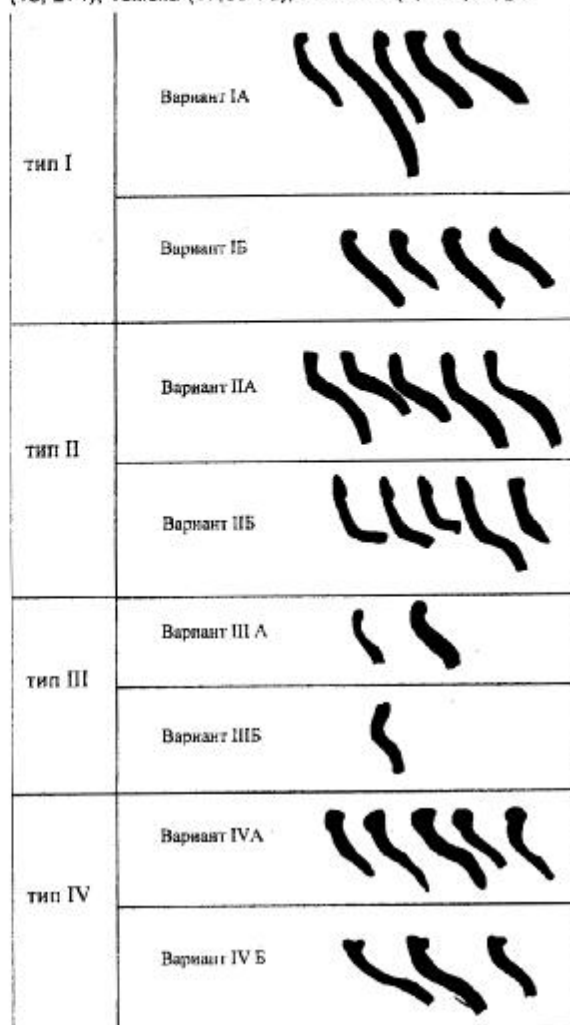

Рис.1. Типы и варианты тобольских горшков

Тип III с отогнутым наружу венчиком, переходящим в округлое плечико, представлен двумя вариантами:

Вариант IIIA (20 экз.) с округлой шейкой (S-видного профиля). Форма венчика округлая либо округлая с валиком по внешней кромке.

Вариант IIIB (6 экз.) с прямой шейкой. Форма венчика округлая, часто с канавкой по верхнему краю.

Тип IV с округлой хорошо выраженной шейкой, переходящей в округлое плечико. Место перехода часто обозначено уступом (ребром). Тип IV представлен двумя вариантами, основным критерием для выделения которых является форма венчика:

Вариант IVA (48 экз.): Венчик прямой либо овальный с внешним напывом и валиком по внутренней кромке.

Вариант IVB (9 экз.): Венчик прямой либо кососрезанный с валиком по внешней кромке и канавкой по верхнему краю.

Диаметр устья горшков определяется для 210 экземпляров, соотношение выделенных вариантов и размеров сосудов показано в таблице.

Можно наблюдать, что в тобольском комплексе горшки средних размеров количественно преобладают. Следы нагара зафиксированы на подавляющем большинстве сосудов вне зависимости от размеров и типов, учитывая это, можно говорить об использовании горшков преимущественно в качестве кухонной посуды.

Таблица 1

	IA	IB	IIA	IIБ	IIIA	IIБ	IV A	IV B	всего
Малые (8-15 см)	2	1 2	16	4	6	--	15	7	62
Средние (16-23 см)	20	1 0	50	20	11	6	16	1	134
Большие (24-31 см)	3	1	2	1	2	--	4	1	14

В литературе неоднократно отмечалось, что форма русских горшков, начиная с монгольского времени, развивалась в сторону постепенного уменьшения высоты шейки и отогнутости венчика наружу (8, 112; 14, 81; 15; 113-114; 16, 67-69). Наши наблюдения позволяют утверждать, что тобольские горшки (хорошо профилированные, со сравнительно невысокой наклоненной, прямой или чуть отогнутой шейкой) обладают наиболее характерными признаками русской позднесредневековой посуды. Эти признаки, судя по опубликованным материалам, присущи многим керамическим комплексам сибирских городов и острогов (2, 150; 7, 122-127; 13, 270-271 и др.). Вместе с тем следует отметить существование огромного типологического разнообразия в целом и свой набор типов горшков для каждого памятника в отдельности.

В ряде работ, вышедших в 70-80-х прошлого века, неоднократно высказывалось мнение о том, что гончарная посуда на ранних этапах русской колонизации завозилась в Сибирь из Европейской России (7, 122; 13, 272). В настоящее время эта точка зрения встретила возражение со стороны многих исследователей, которые убедительно доказывают существование местного производства керамики в Сибири (1, 149-150; 3, 101; 11, 398). Тобольск, являясь крупнейшим экономическим центром региона в XVII в., вероятно, также не мог удовлетворять свои потребности исключительно привозной продукцией.

В пользу этого может свидетельствовать и то, что серая или серо-коричневая керамика, наиболее широко бытовавшая в сибирской столице в XVII в., совершенно не представлена в позднесредневековых материалах многих городов Европейской России. Для их культурных слоев XVI-XVII вв. характерна преимущественно более качественная красная, белая или чернолощенная керамика (4, 187; 9, 120; 14, 13-48, 15, 113). Известно, что цвет черепка зависит в первую очередь от условий обжига. Данный факт свидетельствует, что сравнительно с европейской посудой тобольские горшки сочетают достаточно развитые для своего времени формы и не самую совершенную технологию обжига. По аналогии с другими исследованиями можно предположить, что в древнем Тобольске гончарные изделия могли обжигаться даже в бытовых печах (10, 26-27; 12; 6 2).

На основании всех вышеперечисленных доводов, учитывая также значительную насыщенность культурного слоя фрагментами гончарной посуды, можно утверждать, что тобольская керамика является преимущественно местной, а не привозной продукцией. К последней категории с большой долей вероятности можно отнести фрагменты серых подлощенных горшков, составляющих менее 1 % от общего числа находок. Очевидно, что гончарное производство конца XVI-XVII вв. в Сибири ещё не выделилось в самостоятельное ремесло и носило кустарный подсобный характер. Подтверждением этому могут служить и архивные материалы конца XVIII в., которые содержат в себе список основных ремесел, существовавших на территории Тобольского наместничества. Гончарное производство в этом списке не упоминается (6).

Примечания

1. Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского

кого симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000.

2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII - XVIII вв. Владивосток, 1999.
3. Визгалов Г.П. Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001-2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.
4. Воронин Н.Н. Раскопки в Ярославле // МИА. №11.1949.
5. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.
6. ГУТО ГА в г. Тобольске ф. 341. Оп. 1. Д. 40.
7. Добжанский В.Н. Керамика Илимского острога // Сибирь в древности. Новосибирск, 1987.
8. Кильдюшевский В.И. Об одном из типов керамики XIV-XVI вв. крепости Орешек // КСИА. Вып. 164. М., 1981.
9. Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.
10. Малеевская-Малевиц М. В. Керамика западнорусских городов X - XIII вв. СПб. - 2005.
11. Мельников Б. В. Характеристика гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири XVI-XVIII вв. // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000.
12. Новиков А. В. Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX - первой половине XX в. // Этнографо-археологические комплексы: Проблема культуры и социума. Т.4. Новосибирск, 1999.
13. Овсянников О. В. О керамике древней Мангазеи // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
14. Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVII вв. САИ. Вып. Е1-39. М., 1968.
15. Седова М.В., Бельнская Д.А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981.
16. Харлашов Б.Н. Некоторые итоги раскопок на Завеличье / Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994.
17. Черная М.П. Томский кремль середины XVII- XVIII в. Томск, 2002.

С.А. Мишин

Челябинский научный центр УрО РАН,
г. Челябинск

ЧЕЛЯБИНСКИЕ УЛИЦЫ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Улица как объект археологического исследования не раз становилась предметом публикаций (1; 2). Наряду с жилыми и хозяйственными постройками, улица является неотъемлемой частью планировки населенного пункта. И зачастую именно улицы, их взаиморасположение, определяют тип планировки того или иного поселения. Но в данном случае мы бы хотели рассмотреть улицу не как элемент планировочной структуры, а как элемент инфраструктуры, который должен отвечать определенным требованиям.

На сегодняшний день, в ходе проведения охранных археологических исследований культурного слоя г. Челябинска XVIII-XIX вв., в нескольких случаях были выявлены и исследованы остатки дорожного полотна улиц.

В ходе проведения археологических исследований на месте строительства комплекса зданий Челябинского областного краеведческого музея в 2003 году были зафиксированы остатки двух улиц (3). Участок строительства располагался на современной набережной правого берега р. Миасс. Как было выявлено в процессе исследования, основная площадь (раскопы 1 и 2) приходилась на высокую пойменную часть реки. Именно в этом месте был расширен участок деревянного дорожного полотна